

МАТИЛЬДА СТАРР

Она его
собственность

Риаса

Она его собственность

Матильда Старр

Она его собственность. Риаса

«Автор»

2019

Старр М.

Она его собственность. Риаса / М. Старр — «Автор»,
2019 — (Она его собственность)

У меня было все - любящая семья, жизнь в роскоши и прекрасное будущее. Пока я не сбежала из замка со своим возлюбленным, который оказался негодяем. Он проиграл меня в кости. Теперь я собственность самого опасного человека в королевстве. А еще он враг моей семьи и жаждет возмездия. Так же издавалось под названием "Ты — моя собственность"

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	17
7	19
8	22
9	24
10	25
11	27
12	29
13	31
14	33
15	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Матильда Старр

Ты – моя собственность

1

Все темно-серое: стены, потолок, роскошное шелковое белье. Свечи. Их неровный трепещущий свет плавал в воздухе, переливался миллионом солнечных зайчиков, вспыхивал искрами в длинных рыжих прядях, ореолом рассыпавшихся вокруг головы, отчего казалось, что постель объята огненным пламенем. Картинка расплылась, потекла радужными кляксами...

Я что, плачу? Нет! Я ужасно зла. Я просто в ярости!

Лежу и не могу шелохнуться, скованная магическими путами. Руки вытянуты над головой, ноги раздвинуты. Подходи и пользуйся, блюдо подано. Проклятые темные со своей проклятой магией! Странно, что рубашку оставили. Тонкое кружево, нежное и невесомое, словно воздушный поцелуй из прошлого... От собственной унижительной беспомощности хотелось выть, как волчице на луну. А еще было страшно. Очень страшно. До одури. Этот страх змеей свивался в животе, плескался в горле, грозя прорваться истерикой. Нет. Я сильная, я выдержу. Пусть делает, что хочет, от меня ничего не дождется. Ни слезинки, ни крика. Пусть хоть на куски режет!

Король стоял у постели и пристально рассматривал меня. Я хотела отвернуться, чтобы не видеть его смазливую физиономию. Наверняка считает себя красавцем и сам ошалеет от своей неотразимости. Впрочем, темным не нужно быть красавцами, чтобы быть неотразимыми... У них для этого есть магия.

Отвернуться не получалось. И мне приходилось смотреть в лицо мучителя. Волнистые волосы, светлая кожа, точеные черты надменного лица. Что же он медлит? Блюдо не по вкусу? Ожидание словно изощренная пытка. Может, мне повезет, и он решит, что не голоден? Мне. Повезет. О боги... О везении даже думать смешно, после всего того, что случилось.

Наконец, король пошевелился. Похоже, увиденное ему понравилось. Он одобрительно хмыкнул, наклонился надо мной, и через секунду холодная сталь коснулась моей шеи. Что я там про «резать на куски» говорила? Я судорожно сглотнула и почувствовала укол.

– Не дергайся!

Острое лезвие молниеносно скользнуло вдоль тела, рассекая рубашку сверху донизу. Тонкое кружево разошлось, обнажая белую кожу без единой царапинки. Я выдохнула и с ненавистью уставилась в немигающие глаза короля. Тот с наслаждением втянул носом воздух, словно наслаждаясь моим унижением, страхом и яростью.

Вот как? Не доставлю ему такой радости! Я зажмурилась и крепко сжала зубы.

Теплая мужская рука нырнула под легкую ткань, медленно прошла по телу, слегка задевая груди, которые тут же набухли, стали болезненно чувствительными. От горячего дыхания над ухом по коже побежали мурашки. Что он там делает? Повернув голову, я распахнула глаза и вздрогнула, наткнувшись на горящий взгляд. Мгновенно стало жарко, и в этом неправильном жаре таяла злость, сменяясь непонятной истомой.

Он неотрывно гладил мое тело, спускаясь все ниже. Это движение сводило с ума, отдаваясь томительным спазмом между ног.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как наливается тяжелым жаром низ живота. Боги, что со мной происходит?! Я до крови прикусила свою щеку, пытаюсь прийти в себя, избавиться от неуместного и неправильного ощущения...

Я не должна! Нужно постараться отвлечься. Думать о другом. Например, о том, как я вообще оказалась здесь, в этой комнате и в этой роли.

2

Я убежала из дому.

Это даже звучит невероятно. Из таких мест не убегают, там живут и радуются жизни... Жизни в достатке и счастье. И это все я сменила на темную и сырую комнатуху таверны. И нисколько об этом не жалела.

Тусклая свеча почти догорела, и только поэтому я могла понять, что прошло уже два часа с небольшим. Два часа?! Гильом оставил меня здесь целых два часа назад? Сказал, что пойдет к трактирщику и попытается выбить комнату получше, где не будет так отчаянно дуть из окна. Как будто девушке может быть дело до сквозняка, если ей удалось оседлать ветер! Хотя тут действительно холодно. Чертов трактирщик мог бы получше замазать щели в стенах! Я повозилась на кровати, плотнее закутываясь в потертое одеяло. Грубая ткань неприятно и шершаво коснулась кожи там, где ее не прикрывала тонкая шелковая рубашка. Роскошная, соблазнительная рубашка, одно удовольствие трогать.

Я провела руками по нежному кружеву. Сколько раз я мечтала, томясь ночью в своей комнате, богатой и нарядно украшенной, как вот точно так же меня будут касаться руки Гильома... От этой мысли щеки вспыхнули, а сердце ухнуло куда-то вниз, взметнув стайку бабочек... Ну где же он? За два часа можно было перебрать все комнаты во всех трактирах этого мелкого городишки! А может, в замке обнаружили мое исчезновение? Может, слуги темного схватили Гильома и теперь пытаются?!

Нет, чушь. Я все хорошо продумала. Меня не хватятся до утра. А утром...

Я представила себе до смерти перепуганное лицо сестры и укоризненный взгляд ее мужа, темного. Представила, как милая дорогая Сандра покачает головой: взяли оборванку в семью, поселили рядом с детьми, а она – нож в спину. И все они будут правы. Сбежала, опозорила их, да еще и прихватила драгоценности.

И пусть это были мои драгоценности: сестра с радостью дарила их мне, словно пытаясь восполнить то, чего в свое время недополучила сама. Все равно сейчас это виделось мне воровством.

Нет, не буду об этом думать сейчас... Как бы то ни было, пути назад нет. Я сделала это ради Гильома. Он небогат... А чтобы начать жить вместе, семьей, нужны деньги.

Я снова скользнула руками по гладкому шелку, словно чтобы успокоить себя. Робко потрогала пальцами вершинки грудей... Еще немного – и ласкать меня будут руки Гильома. Это того стоило. Это стоило чего угодно в мире. Следуй за своим сердцем – гласит древняя мудрость, а мое сердце – рядом с ним. Принадлежит ему.

Оно сладко замирает, стоит мне вспомнить моего возлюбленного. Высокий лоб, волосы цвета пшеницы, лежащие волнами, тонкий нос, чувственные капризные губы. Он считался одним из самых красивых парней в городе. О нем говорили, что он словно один из богов, спустившихся с высоких гор. Такой же прекрасный и такой же непостоянный. Я нахмурилась. О непостоянстве Гильома говорили многие. Он и был непостоянен – пока не встретил меня. А когда встретил, все изменилось.

Он сам мне сказал: кто станет искать взглядом звезды, когда на него смотрит сама луна?

Свеча зашипела, стрельнув искрами в последний раз, и погасла, словно напоминая о времени.

Три часа... Его нет уже три часа! Это слишком долго для разговора с трактирщиком, даже если тот болтлив, как сорока. Это слишком долго для любого разговора. Что-то случилось... Я рывком откинула одеяло, вскочила с кровати и зябко поежилась. Без свечи в комнате было темно, как в погребе. Нашупав пальто, я накинула его прямо на тончайшую рубашку. Ничего, если запахнуть поплотнее, никто и не поймет, что там выглядывает – кружево ночной

сорочки или подол платья. В такой непроглядной тьме не особо нарядишься, да и некогда – вдруг Гильом в беде.

Настороженно прислушиваясь, я тихонько спустилась по ветхой деревянной лестнице прямо в полутемный зал, где теснились грубо сколоченные столы и противно пахло прогорклым жиром и дешевым пойлом. Несколько часов назад, когда мы только приехали и трактирщик вел нас в комнату, здесь было душно и людно. Сейчас же шумная толпа схлынула, лишь за одним из столов под тусклой лампой сидели трое. Я остановилась и выдохнула с облегчением.

Одним из троих был мой Гильом. Живой, слава богам, живой и невредимый! Свет от света, красавец, на которого даже взглянуть больно.

Напротив него развалились двое. Немолодые, явно лет за сорок. Одежда, по которой не понять, к какому сословию принадлежат. Шрамы на огромных руках и на загорелых лицах, но главное – взгляды. Алчные, хищные, недобрые. Да у этих подлецов на лбу написано: разбойники. Что делает мой Гильом, мой светлый мальчик, моя первая и единственная любовь, в компании таких типов?

Гулко брякнув, на стол упали игральные кости и покатались, притягивая взгляд... Я вздрогнула и потрясенно застыла, не в силах поверить своим глазам: на заляпанной грязной столешнице сверкали мои драгоценности. Броши, серьги, тончайшей работы браслеты и даже кулон – лик богини-хранительницы... Любимый кулон на цепочке, который я берегла как зеницу ока и не собиралась продавать ни при каких обстоятельствах.

Большая часть украшений, небрежно собранная в переливающуюся всеми цветами радуги горку, покоилась перед разбойниками, другая, совсем жалкая – браслет, пара сережек да колье, – перед Гильомом. Он нервно поглаживал их красивыми длинными пальцами.

Кости остановились. Громилы радостно заржали, а Гильом с досадой хлопнул по столу рукой. И в то же мгновение огромная кряжистая лапища схватила последние драгоценности и перетащила их через стол к остальным.

– Не везет в игре – повезет в чем-нибудь другом, – довольно хохотнул один из подозрительных типов.

Наверное, если бы я не растерялась так в ту минуту, мне бы хватило ума понять, что здесь происходит, и беды можно было бы избежать. Ловко спрятать волосы под пальто – моя огненная шевелюра видна издали, – накинуть капюшон, тихой тенью выскользнуть за дверь и бежать... Бежать, не разбирая дороги, спрятаться где-нибудь в тихом и темном углу до рассвета, а с рассветом поймать извозчика и с позором вернуться домой. Впрочем, невелик позор. Я вернулась бы такой же девственной, как и уходила. А пропавшие драгоценности... Мой новый родственник сначала бы нахмурился, отчитал хорошенько, а потом бы велел ювелирам изготовить мне новые, лишь образец богини-хранительницы было бы жалко.

Но горечь обиды была так ядовита, что совершенно затуманила рассудок.

– Гильом... – тихо прошелестела я. – Ты проиграл мои украшения?

Совсем тихо, но меня услышали, и теперь взоры обратились ко мне.

– Риаса...

Я ожидала, что он придет в ужас от того, что натворил, упадет на колени, будет умолять меня простить, но я, конечно же, его не прощу, а велю вернуть меня домой сегодня же, сейчас же, иначе он крепко об этом пожалеет.

Но глаза его радостно вспыхнули, словно озаренные какой-то внезапно пришедшей в голову мыслью. И сказал он совсем другое:

– Ставлю ее. Против всего.

– Какая-то баба? И против всего? Да ты спятил, пацан! – фыркнул один из двоих.

– Не какая-то баба, а девственница... – тоном записного торгаша, нахваливающего лежащий товар, протянула моя любовь. – Она пока еще невинна.

3

Один из громил подошел ко мне. Я попятилась, поднимаясь на несколько ступеней выше, но он схватил меня за руку и стащил вниз.

– Точно целка? Уж больно одета не по-порядочному. И глаза шлюшь... Порядочные девки так не смотрят, чистая кошка.

Щеки мои запылали, как только я поняла, что пальто распахнулось и полупрозрачное кружево сорочки мало что скрывает от жадных чужих взглядов. Я попыталась запахнуть полы, но он мне не дал. Грубо облапал и сокрушенно проговорил:

– Эх, говорила мне матушка: «Не умеешь ты вовремя остановиться, Таум». Так и быть, пацан, кое-что против нее поставлю!

Он вопросительно посмотрел на своего напарника. Тот пожал плечами – делай, мол, что хочешь.

Они переговаривались так, словно меня тут не было, словно бы я была вещью. Безмолвной, неживой.

– Вы не смеете! – выкрикнула я, но никто даже не обернулся на мой голос.

Громила Таум вернулся к столу, запустил лапищу в мои украшения и бросил на середину стола небольшую жменю.

– Большого не проси, – сказал и покосился на меня. – Больно уж худая. Поддержаться не за что.

Ставки сделаны... Я сжалась.

– Гильом, ты же не можешь... – в ужасе прошептала я. – ... пожалуйста.

Все это было похоже на страшный сон! Куда делся мой страстный и нежный поклонник. Тот, ближе кого у меня не было!

Он бросил на меня злобный взгляд.

– Заткнись! – рявкнул он.

Как удар, как пощечина. Ну уж нет!

– Я ухожу, и сейчас же, – сказала я и быстрым шагом направилась к выходу, только бы скорее оказать снаружи. Не станут же они меня ловить.

О, как я ошибалась! Гильом подскочил с лавки, метнулся мне наперерез и сгреб в охапку. Я на мгновение замерла – совсем другими помнила я эти объятия.

Этого времени разбойнику хватило, чтобы добраться до двери. Лязгнул засов, повернулся ключ.

– Можешь не стараться, рыжая, теперь дверь заперта. – Он звякнул связкой и кивнул Гильому. – Тащи ее к столу. Больно шустрая. Бегай за ней потом по всему трактиру.

Я забилась в руках Гильома, тот тряхнул меня так, что лязгнули зубы, проволока через зал и раздраженно толкнул в угол.

Я рухнула на загаженный пол, не удержавшись на ногах. В глазах вскипели злые слезы.

– Не рыпайся! – процедил мой возлюбленный и, сплюнув сквозь зубы, вернулся за стол. – Мне сейчас должно повезти, чую!

Он поцеловал игральную кость, приготовившись к броску. Вот где его настоящая любовь!

Я поднялась, потирая ушибленную коленку, и украдкой огляделась. Не сбежать. С двух сторон глухие стены без окон, сзади за спиной приоткрытая дверца, где в темноте угадывались сваленные в кучу дрова. А впереди стол, за которым сейчас решалась моя судьба.

Я в отчаянии зажмурилась. Это было невероятно, это не могло быть правдой. Со мной этого не может произойти никак. Тем не менее приходилось признать: все это суровая правда.

Кости брякнули по столу, покатались, снова брякнули и снова покатались. Я уже даже не смотрела в ту сторону. Зачем?

– Эх, рыжая, – радостно объявил Таум. – Готовься к жаркой ночи. Я слышал, если рыжую трахнуть, удача придет. А что, пацан, может, зря ты ее не оприходовал. Глядишь бы, и в игре повезло.

Разбойники захохотали, а Гильом зашипел что-то злобное, встал из-за стола и начал подниматься по лестнице. Он вел себя так, будто меня тут не было.

Таум, похотливо поблескивая глазами, подкрадывался ко мне с полной уверенностью, что я никуда не денусь. Кажется, он не сомневался, что взять меня будет просто. Что ему может противопоставить девчонка? Да еще такая худенькая и хрупкая... Таум кинулся на меня, ухватил за талию и попытался поцеловать. Я брезгливо отвернулась, и слюнявый рот оставил обжигающий след на моей щеке. Горячая потная лапа больно ущипнула грудь.

– Ну-ну, не трепыхайся! – рыкнул он в самое ухо, обдав мерзким запахом лука и дешевого пойла. – Тебе понравится...

4

Соображать нужно было быстро. Что у нас есть? Дверь заперта. Рвануть на лестницу, на второй этаж к комнатам и поднять крик? Почем знать, есть ли тут еще постояльцы... А если и есть? Придут они на помощь или предпочтут отсидеться за дверью? А может, и того хуже – захотят разделить с разбойниками их трофей.

Нет. Путь вверх закрыт.

Что же тогда? Маленькая комнатка с дровами у меня за спиной... Если удастся там закрыться, я досижу до утра... А утром, когда трактир наполнится людьми, они уже не посмеют... Пожалуй, это выход. Только бы вырваться из стальных объятий!

Все эти мысли за какую-то долю секунды лихорадочно промелькнули у меня в голове. Решение пришло быстро. На мне – аккуратные туфельки с бронзовыми нашлепками на каблуках, чтобы не ступывались. А у разбойника обувь дешевая, парусиновая. Вот и славно! Я прикинула то место, где находится большой палец, приподняла ногу, замахиваясь (он этого даже не заметил под длинной сорочкой да в пылу возни), и изо всех сил саданула каблуком в ту самую точку.

Вой разбойника почти оглушил меня. Ничего, переживу. Пока громила орал и матерился, я ужом вывернувшись из его лап и метнулась в приоткрытую дверцу. Захлопнув, изо всех сил навалилась на нее, лихорадочно шаря в поисках засова. И с ужасом поняла, что его нет... Чертова комната не запиралась изнутри.

В то же мгновение мощным ударом железного кулака Таум выбил дверь, я отлетела, больно стукнувшись о шершавую стену дров.

– Ах ты, курва!

Разбойник стоял на пороге, его громоздкая туша перекрывала тусклый свет, сочащийся из зала. Даже не видя выражение его лица, я понимала, что он торжествует, что мое сопротивление лишь разжигает его похоть.

Таум шагнул ко мне. Я покрепче вцепилась в первое попавшееся под руку полено и с бесшабашной яростью закрутила его над головой, представляя, с каким удовольствием стукну мерзкого насильника, но он мгновенно перехватил мое запястье и несколько раз с силой ударил им об стену, пока полено не выпало из разжавшихся поневоле пальцев. От дикой боли перехватило дыхание, в глазах заплескалась темнота.

Я почувствовала, как в спину впираются неровные торцы поленьев, как всей массой на меня наваливается потное немытое тело, а в живот упирается мужская восставшая плоть. Чужая рука жадно мяла мои груди, давила и стискивала, мокрый рот скользил по шее, посащивал ухо, обдавая смрадным горячим дыханием.

– Не-ет! – вместо крика получился лишь жалобный писк.

Меня мутило, голова кружилась, а тело от удара стало как ватное. Только бы не потерять сознание! Такой радости я им не доставлю!

Не встречая сопротивления, Таум расслабился, отпустил мою руку, и я тут же с наслаждением вцепилась ногтями в наглую рожу, нависшую надо мной. Он мотнул головой, но четыре глубоких кровавых полосы прочертили его щеку.

Взвыв от боли, Таум залепил мне звонкую оплеуху. Я почувствовала соленый привкус крови от прикушенной губы и, словно взбесившаяся кошка, набросилась на громилу. От неожиданности тот отшатнулся, я вывернувшись и кинулась к выходу, оставив в лапах разбойника свое пальто. Выскочив в зал, я застыла как вкопанная: второй громила развалился на стуле, взгромоздив ноги на стол, тем самым совершенно перекрыв мне путь. Он лениво поигрывал ножиком, насмешливо глядя на меня сквозь прищур.

Вот как?! Страх придал мне сил, и на глазах у совершенно ошарашенного громила я буквально взлетела на стол, едва коснувшись ногой лавки, спрыгнула с другой стороны и метнулась к лестнице. Шансов на спасение мало, но хоть что-то... Там много комнат, спрячусь, затаюсь, в конце концов, выпрыгну из окна...

Сзади раздался топот, и в двух шагах от спасительных ступенек преследователь схватил меня за волосы.

– Куда, гадина? – Одним резким движением он намотал их, как вожжи, на кулак.

От неожиданного рывка и дикой боли я остановилась, слезы брызнули из глаз, но я смахнула их и, изловчившись, ударила кулаком по нависающему надо мной подбородку.

Попала!

На секунду рука ослабла. Я рванулась, но громила, издав рык затравленного зверя, стальной лапой сгреб меня за талию и с силой швырнул на ближайший стол. От удара перед глазами поплыл красный туман, я лежала оглушенная, не в силах вздохнуть. Я словно сквозь вату слышала голоса:

– Отвали, Таум, я первым трахну эту бесноватую!

– Моя. Это я ее выиграл!

– Ну так и держал бы, раз выиграл. Отвали по-хорошему. Свяжи вон лучше.

Я почувствовала, как меня подтаскивают к краю стола и коленом раздвигают ноги.

Чувствовала, как петля захлестывает руки, рывком вытягивает их над головой.

Как один из насильников, тяжело дыша над ухом, больно тискает груди, а второй, пристроившись между раскинутых бедер, задирает сорочку, и холодный воздух облизывает бесстыдно обнаженную плоть.

Я вяло подумала, что победа им далась нелегко, оба получили от меня по морде, но эта мысль не доставила особой радости. Зато пришла ярость, разрывая в клочья красный туман, приводя в сознание.

Я извернулась и вонзила зубы в одну из рук, шарящих по моей груди, почти прокусив кожу.

Громила зарычал и выкрутил сосок с такой силой, что я взвизгнула от боли.

– А ну-ка, отойдите от нее, – раздался вдруг совершенно спокойный женский голос откуда-то из угла.

Это не был крик, но разбойники тут же замерли: столько уверенной властности было в этом голосе.

Это что же, все это время тут кто-то был? Эта женщина не могла сюда прийти после меня, а значит, с самого начала сидела здесь. Темная одежда, неподвижная поза, плохое освещение – видимо, этого было достаточно, чтобы ее не заметили до тех пор, пока она и сама не захотела быть замеченной...

Она медленно встала со своего места и подошла к нам, шелестя юбками простого черного платья. Строгое бледное лицо, зачесанные назад волосы, скрученные в незамысловатый пучок. Ничего особенного, если бы не глаза. Холодные, цепкие, черные, как самая непроглядная ночь, а что за ними, небо или бездна, – неизвестно.

Женщина приблизилась и задала лишь один вопрос:

– Этот слизняк, твой кавалер, не соврал и ты девственна?

Она смотрела на меня выжидательно. И под этим взглядом я напряглась.

Я могла вгрызаться в горло разбойнику и ломать ногти о его физиономию, но послать к дьяволу эту женщину я бы не решилась. А вместо этого послушно ответила.

– Да.

– Я куплю ее у вас, – сказала женщина так, как будто бы факт сделки уже не обсуждается.

– Самим нужна, – буркнул Таум, впрочем, тут же принялся распутывать веревки, оплетавшие мои запястья.

– Так уж нужна? – усмехнулась женщина. – То-то вдвоем справиться не можете. Смотри, откусит тебе самое дорогое, что делать будешь?

Она бросила на стол перед разбойниками несколько серебряных монет.

– Возьмете себе хороших шлюх, которые скрасят вечер. А девчонка пойдет со мной.

Она не торговалась, не уговаривала, просто ставила в известность. И разбойник, только что самоуверенный и грозный, почему-то быстро согласился, сгреб монеты, сунул в карман.

– Иди, Таум, разбуди трактирщика. Выпить хочется. И сопляка тоже разбуди. Будем играть.

– У него же нет ничего...

– А вот ты ему и одолжишь. Иди, я сказал!

Я с трудом поднялась со стола, пытаюсь привести в порядок одежду.

– Пойдем уже, потом прихорашиваться будешь, – холодно сказала женщина.

И я поспешила за ней.

5

Я поспешила за женщиной, пока никто не передумал: ни она – забрать меня у разбойников, ни разбойники – отдать меня ей.

Поднявшись по лестнице, она в темноте безошибочно нашла нужную дверь, открыла ее, и мы оказались в комнате. Я невольно ахнула, не ожидая в захудалом трактире увидеть что-то подобное. Нет, конечно, там не было роскоши, как в покоях нашего замка. Это была просто теплая и чистая комната с большой ванной, отгороженной ширмой, с широкой кроватью под темным балдахином, чтобы можно было выспаться даже днем, с картинами на стенах и мягким ковром на полу.

– Нравится? – с едва уловимой насмешкой спросила женщина и легонько подтолкнула меня в спину. – Ляжешь на полу, здесь тепло.

Она затворила дверь и, задумчиво посмотрев на меня, заперла ее на ключ, который тут же достала и спрятала в складках юбки. Напрасно. Я что, похожа на ненормальную, чтобы после всего случившегося покинуть спасительное убежище и гулять по темным коридорам? Видимо, похожа...

– Как я могу вас называть, добрая женщина? – смиренно спросила я.

– Зачем тебе мое имя? – Она надменно подняла бровь.

Теперь вряд ли кому-то пришло бы в голову называть ее доброй. И все-таки она спасла меня. Почему-то...

– Я очень благодарна, если бы не вы... – Что было бы, если бы не она, я даже думать не хотела. – И деньги, не переживайте за это... Мои родственники все вернут. Все, что вы потратили, и даже больше. Мне нужно только до них добраться.

– Родственники? – нахмурилась она. – Как же они допустили, что ты оказалась здесь?

– Это не они... – Я покраснела так, что даже ушам стало жарко. – Они тут ни при чем. Это все моя вина.

– Ладно. После поговорим. – Женщина равнодушно отвернулась к комоду и зазвенела какими-то склянками, но отчего-то мне показалось, что в ее голосе мелькнуло беспокойство... – Ступай за ширму, вымойся. Вода холодная, да ничего, потерпишь. И вот еще...

Она протянула мне баночку с зеленоватой мазью. Искусно сделанную, с темными камнями и золотым тиснением. Не знаю ничего про мазь, но одна только баночка стоила целого состояния. И это было ничуть не менее странно, чем то, что в такой дыре оказалась такая комната с такой хозяйкой.

Кто она, эта женщина? Она богата? Но что тогда она делает здесь, почему не в своем родовом замке? А если путешествует, то почему не сняла приличный домик с услугой, а делит кров с отребьем? Или она тоже, как и я, прячется?

– Ну что рот открыла? Как вымоешься, смажь все ссадины и царапины, все синяки этой мазью – не хватало еще, чтобы остались шрамы. А потом выпьешь вина и мы поговорим.

Вода действительно была прохладной. И все-таки я с наслаждением умылась и тщательно обтерла тело, внимательно разглядывая себя в большое тусклое зеркало. Ужас. Синяки, кровоподтеки и царапины. Мое тело выглядело так, словно эти двое получили свое, и не раз, терзая меня ночь напролет.

Я осторожно взяла пальчиком мазь и нанесла капельку на подпухшее багровое пятно на скуле. От души ударил, гад... Я ожидала боли или жжения, но ощущение было скорее приятным. А потом я с удивлением обнаружила, что кожа в том месте, где ее коснулась мазь, мгновенно посветлела.

Вот это да! Такого я не ожидала.

Осмелев, я стала мазать остальные ушибы, царапины и порезы, восхищенно наблюдая, как они затягиваются, как светлой и ровной становится кожа.

Ничего себе! Эта вещь явно магическая. Но женщина, которая выкупила меня у разбойников, не темная. Она просто человек, хоть и странная. Откуда же у нее такое чудо? У наших лекарей ничего похожего нет.

Ну да ладно, мне до того нет никакого дела. Пусть ее секреты остаются ее секретами. Главное, чтобы она вернула меня родным, получила свои деньги и я забыла об этой истории, как забывают страшный сон.

Когда я вышла из-за ширмы, на полу уже лежало тонкое одеяло. Женщина протянула мне шаль, легкую, почти прозрачную, но большую и теплую – я могла бы завернуться в нее полностью, – и пододвинула кружку с вином.

– Пей, тебе надо. И расскажи, о каких родственниках идет речь?

– Господин Лаорр... Он темный.

Когда я назвала это имя, женщина вздрогнула.

– Лаорр? – Она недоуменно изогнула бровь. – А каким образом...

– Отдайте меня ему, – умоляюще перебила я, – И он щедро вознаградит вас!

– Ах вот оно что... – холодно протянула она. – Очень сомневаюсь. Боюсь, у него нет необходимости в человеческих девушках.

– Нет-нет, вы не поняли. Я – сестра его жены.

– Сестра жены? – переспросила она, и глаза ее странно блеснули. – Его жена...

– Она полукровка, – торопливо пояснила я.

Решит еще, что я все выдумываю. Человеческая девушка никак не может быть женой темного. Их связь убьет ее, рано или поздно. Скорее рано. Любовь темных губительна для нас.

– Да-да, припоминаю эту историю... – Она смотрела на меня так, словно бы прямо сейчас, в эту минуту, решалось что-то важное. – Кажется, король был очень недоволен этим браком.

Я промолчала. Я точно не собиралась обсуждать с ней семейные дела.

– А этот твой слизняк, он знает, кто ты?

– Конечно, знает. – Я стиснула пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. – О-о-о, он еще пожалеет о том, что так со мной поступил. Когда Лаорр его найдет, а он его обязательно найдет, этот негодяй пожалеет, что на свет родился!

Мой голос зазвенел и сорвался, на глаза навернулись слезы.

– Ну-ну, не надо плакать. От слез тускнеют глаза и появляются морщины. А нам ведь это не нужно? – Женщина улыбнулась какой-то очень непонятной улыбкой.

Ну, или мне не надо больше пить. Это вино слишком терпкое и пьяное. Я поставила кружку на стол и заглянула внутрь. Ничего себе. Выдула добрую половину.

– Нет-нет, так не годится, допивай все, – скомандовала женщина. – Тебе нужно хорошенько отдохнуть и выспаться.

Какая же она добрая! Я послушно сделала то, что она велела, – допила до дна, улеглась на одеяло и накрылась шалью. Было тепло и уютно, от вина кружилась голова. Наваливалась дрема...

– Ты спишь? – очень тихо спросила женщина, наклоняясь надо мной.

Я зачем-то притворилась спящей и, едва она отошла, с любопытством посмотрела сквозь сомкнутые ресницы.

Женщина достала из шкатулки тряпичных куколок, почти таких, с какими я играла в детстве. Мирая сама делала мне их, когда мы жили вдвоем в нашем бедном квартале. Только вот мои куклы были яркие, разрисованные, а эти – холщовые и бесцветные. Безликие. Ровно три.

Она положила их на стол, перемешала, зачем-то сбрызнула остатками вина из кружки, а потом взяла большую иглу и по очереди проткнула все три. От этой ее игры мне стало как-то

не по себе. То ли свечи отбрасывали такие зловещие тени, то ли само ее лицо было недобрым, но сейчас она внушала ужас.

Я бы наверняка испугалась еще больше, но голова стала тяжелой, веки опустились, и я быстро соскользнула в сон, тяжелый, густой и без сновидений.

6

– Леди! Леди! – прорвался сквозь сон встревоженный мужской голос.

Голос был смутно знаком, но я никак не могла сообразить, кому из слуг он принадлежит. О боги, кто там голосит под дверями моей комнаты? И где Сандра? Почему она не сама пришла будить меня на завтрак, а прислала кого-то настолько громкого, что в ушах звенит?

Я лениво потянулась и чуть приоткрыла глаза. Комната была не моя, совсем не моя. Более того, в нашем замке вообще не было таких вот комнат. Где я? Что происходит?! Я удивленно моргнула и... Вспомнила... И свой побег с Гильомом, и этот захудалый трактир, и кости, и свои драгоценности на грязном столе, и женщину, что спасла мою честь, а скорее всего, и жизнь...

Ох...

Я застыла под шалью, не подавая виду, что проснулась, и сквозь сомкнутые ресницы наблюдая за происходящим.

– У нас тут такое... Беда! – торопливо бормотал трактирщик и облизал губы. Да, именно его голос так безжалостно ворвался в мой сон, вот только обращался он не ко мне, а к той самой загадочной женщине. – Постояльцы играли в кости, пили, а потом, видать, что-то не поделили... В общем, драка была...

Женщина молча всматривалась в него, и под этим пристальным взглядом трактирщик нервно переступал с ноги на ногу, чувствуя себя не в своей тарелке. Мне показалось, что она напряженно ждала продолжения и, когда его не последовало, надменно приподняла бровь и спросила сама:

– Надеюсь, все живы?

– Увы, нет... Три мертвяка там. Таум с братом да пацанчик... Ну тот, с которым девица-то ваша... – он ткнул пальцем в мою сторону, – ... прибыла.

– Вот как, – равнодушно обронила женщина. – Мы, пожалуй, отсюда уедем. Ты еще не звал гвардейцев?

– Нет, как можно, – замахал руками тот. – Я же помню ваш наказ: если что случится – сначала к вам, а потом уже...

Она холодно кивнула, протягивая ему серебряную монету, которая, как по волшебству, мгновенно исчезла в широкой лапе с обкусанными ногтями.

– Ступай, принеси вещи девчонки.

– Сию же минуту! – радостно воскликнул он и быстро попятился к дверям, подобострастно кланяясь.

– Не вздумай припрятать ни тряпки, чтоб подарить потом своей девке!

– Да я и не хотел... – запротестовал трактирщик, но по забегавшим глазкам было видно: хотел, и еще как. – Так я это... за вещами, туда и обратно...

– А ну, погоди, – остановила она его. – Ты ведь уже почистил карманы покойничков?

– Я?! – Он состряпал обиженную рожу. – Да что вы! Разве посмел бы я что-то трогать!

– Значит, уже почистил. – Женщина достала еще несколько монет. – Принеси мне ее побрякушки, что там были. Все до единой.

Он с сомнением покосился на деньги и поскреб подбородок.

– Добавить бы. Хорошие украшения-то! Дорогие, благородные.

– Никак носить их собрался? – насмешливо спросила женщина. – Учти, начнешь их про-давать, в такую историю вляпаешься, что сам на каторгу запросишься. Ступай уже.

Трактирщик сгреб монеты и, ворча, убрался.

– А ты вставай. Давно не спишь. Принесет вещи – проверишь, всё ли есть, – велела женщина. – Ничего тут не оставляй. Соберешься, и сразу пойдём.

Ее голос долетал до меня словно сквозь вату. Гильом мёртв? Невероятно. Я злилась на него, ненавидела его, но все-таки – он мертв? Нет, я его не жалела, скорее недоумевала: с чего разбойникам было его убивать? Сам-то в драку он вряд ли бы полез – я видела, как трусливо он убежал, оставив меня с ними наедине.

Трактирщик обернулся быстро. Он действительно принес мою одежду, драгоценности и даже пальто, утерянное в камере с дровами, когда я отбивалась от этих негодяев.

– А куда мы идем? – спросила я, пересчитав весь свой скудный гардероб.

Много я не брала из дома, бежала налегке. Думала: вот продадим украшения, купим маленький домик с заборчиком и...

И это вовсе не слезы. Просто в глаз что-то попало, да...

– Как куда? Ты же хотела домой? Поторапливайся, пока гвардейцы не нагрянули! А то будет тебе не дом, а тюрьма и суд с долгими разбирательствами.

Дом! Это было то единственное слово, за которое я зацепилась.

– Конечно, домой. Пойдемте. – Мне хотелось покинуть это место как можно быстрее.

Мы вышли из комнаты, тихо спустились по лестнице. Сквозь окна таверны еле-еле пробивались розовые лучи – еще только начинало светать. Я не удержалась и бросила взгляд в зал. Там, за столами, лежали тела разбойников и ... Гильома.

Гильом... Моя глупая любовь. Золотой мальчик с пшеничными волосами, красивый как бог, спустившийся с гор, непостоянный, как ветер. Теперь он лежал на залитом кровью полу, бледный и неподвижный, словно сломанная кукла. По остекленевшим мертвым глазам ползала муха. Я содрогнулась и закрыла лицо руками. Это страшно... Как же мне страшно...

– Пойдём. – Женщина легонько подтолкнула меня к выходу. – Пока местное отребье не повыползало из своих нор.

Что она имела в виду, я поняла, как только мы покинули трактир. Вчера мы прибыли на извозчике, и я сразу же нырнула в ворота, не особенно глядя по сторонам. Вокруг были явно окраины какого-то городишки: грязные, неуютные и опасные. Эта опасность словно была разлита в смрадном воздухе, в самом виде этих хаотично натканных домов – то хижин, то двух-трехэтажных – в узких и темных улицах.

Она шла впереди. Странно... Эта женщина, в ее элегантном платье, спокойная и по виду настоящая леди, вовсе не казалась чужой в жутких трущобах, по которым мы куда-то пробирались. Она уверенно сворачивала в какие-то переулки, пересекала проходные дворы, перепрыгивала канавы и шагала дальше, точно зная, куда идти. А еще мне не давали покоя куклы, те ужасные куклы, в которые она вчера играла... Они лежали на столе точно так же, как сегодня тела: две головой друг к другу, будто сплелись в драке, а третья – ногами к тем двоим, будто пыталась убежать. Это было жутко и неправдоподобно. Боги, скорее бы оказаться дома...

Когда мы вышли на нормальную дорогу, поймали извозчика и уселись в его экипаж, я, наконец, с облегчением выдохнула и сказала, куда везти. Извозчик удивленно обернулся.

– Не обращайтесь внимания на мою бедную дочь. – Женщина покачала головой. – Она больна. Ее лихорадит, совсем ослабла, вот и говорит всякую ерунду.

Я хотела возмутиться, но женщина каким-то особенным образом сжала мои пальцы, и я почувствовала, как погружаюсь в темноту.

7

Очнулась я давно, но тихо лежала на чем-то мягком, не решаясь открыть глаза и увидеть, где оказалась. Уж точно не в коляске извозчика – ничего не тряслось, не цокало и не подбрасывало из стороны в сторону. А если судить по лживым речам женщины про сумасшедшую дочь, то и не в замке, куда так стремилась вернуться. По чьей милости я здесь нахожусь, сомнений не возникало – хорошо помнилось то непонятное рукопожатие, после которого наступила темнота. Кажется, я снова влипла во что-то нехорошее. Вот только во что?!

Я незаметно пошарила руками вокруг себя и поняла, что лежу, полностью одетая, на кровати, поверх покрывала. Немного осмелев, приподнялась на локтях, все же огляделась и с облегчением выдохнула: ну, хоть не в темном подвале с цепями и крысами.

Это была комната... Обычная комната: не роскошная, но аккуратная и чистая, чем-то похожая на мою келью в пансионате. Только в пансионате нам не разрешали застилать ажурными салфетками тумбочки, вместо шкафа стоял комод, и картин с фривольными изображениями на стенах там не висело. А вот занавески были точь-в-точь такие же: кружевные и воздушные. Вид этих самых занавесок странным образом успокаивал, и в голове начали появляться здравые мысли.

Куда же она меня привезла? И главное, зачем? Может, она меня похитила, чтобы потребовать выкуп? Чушь... Ни один человек в здравом уме не рискнет ссориться с темным... А если она и есть темная? Нет, не похоже.

И все-таки, для чего бы я ей ни понадобилась, какие бы планы она ни строила насчет меня, она ведь не откажется, если ей предложить много денег? Даже не так: очень много денег. Никто не откажется. Потому что «очень много денег» всегда гораздо лучше, чем какая-то невзрачная рыжая девица.

Значит, нужно еще раз попытаться договориться с женщиной. Она, конечно, жутковатая дама, и мне от нее немного не по себе, но... Пообещаю ей рассказать Лаорру, что она спасла мою жизнь, вырвав из лап двух... – нет, пяти разбойников. Лаорр богат и предложит ей достойное вознаграждение. Пусть только отвезет меня домой. Домой... В глазах предательски защипало, комната расплылась разноцветными кляксами. Да что же это такое?!

Я проморгалась и покосилась на окно, забранное коваными решетками, сквозь которые просвечивал кусок неба, потом на массивную дверь...

Похоже, сбежать не удастся. Но почему бы не попробовать? А вдруг мне повезет – и дверь окажется не заперта, и я никого не встречу по дороге? Ну, а если и встречу, всегда можно сказать, что я разыскиваю хозяйку. В том, что женщина и есть хозяйка, я отчего-то не сомневалась.

Я решительно встала с кровати и тут же пошатнулась от накотившей слабости. Сколько времени я не ела? Та кружка вина если и придала мне сил на некоторое время, но уж точно не могла считаться полноценным ужином.

Я сделала один шаг, потом второй... И обессиленно опустила обратно на кровать. Нет, это уже ни на что не похоже! Что она такого со мной сотворила в коляске извозчика, когда сжимала мою руку? Или в вино было что-то добавлено? Я же слаба, как новорожденный котенок. В таком состоянии мне не сбежать, даже если все двери будут настежь открыты...

Что ж, остается набраться терпения и ждать, стараясь не растерять крупницы мужества.

Но долго ждать не пришлось. В коридоре прошелестели неторопливые шаги, дверь скрипнула, и моя похитительница появилась на пороге.

Под пристальным взглядом сердце подпрыгнуло и заколотилось, все разумные мысли вылетели из головы, и вместо того, чтобы заговорить с женщиной о моей дальнейшей судьбе, я выпалила:

– Вы ведь не темная? Вы человек.

– В этом есть какие-то сомнения? – усмехнулась она.

– Тогда, у извозчика, вы что-то сделали. Я потеряла сознание. Но ведь магия есть только у темных, людям магия недоступна.

Женщина задумчиво посмотрела на меня сквозь прищур.

– Ты не глупа... Отлично... – Она кивнула каким-то своим мыслям и равнодушно пояснила: – Это не магия. Просто нужно знать некоторые точки. Древнее искусство, почти утерянное, но к магии не имеет ни малейшего отношения.

«А как же куклы и мертвые тела?» – хотела спросить я и даже рот открыла, но... Ощущение опасности ледяной змеей скользнуло по спине, вздыбив волосы на затылке, сковав любопытный язык. Я совершенно отчетливо поняла, что спрашивать об этом нельзя ни в коем случае, как и вообще лишний раз разговаривать с этой женщиной. Лучше знать о ней меньше. А еще лучше – как можно быстрее расстаться с ней и забыть, словно страшный сон. О боги, очень страшный сон...

– Почему вы не отвезли меня в замок, я же назвала адрес?.. – выдавила я, стараясь не выдать паники и дрожи в голосе.

– Дело в том, деточка, что я не верну тебя домой. И самой тебе туда возвращаться не следует.

– Это еще почему? Лаорр и сестра наверняка с ума сходят. Мне нужно вернуться как можно скорее. Они заплатят! Сколько вы скажете, пожалуйста, умоляю вас! – Я едва сдерживала слезы. – У меня есть план... Я им расскажу, как вы меня спасли...

– Возможно, заплатят, – холодно перебила женщина. – А возможно, вызовут гвардейцев и отправят меня под суд. Или Лаорр остановит мое сердце еще до того, как ты успеешь открыть свой рот, и просто отберет тебя силой... Нет, это очень плохой план. Есть получше. Что ты знаешь о нашем короле?

О короле? При чем тут вообще король?

– То же, что знают все, – буркнула я, – какое это имеет отношение...

Под немигающим взглядом я осеклась и замолчала.

Женщина прошла в комнату и изящно опустилась в кресло напротив меня, преспокойно оставив дверь открытой. Словно само собой подразумевалось, что у меня и мысли не возникнет бежать. Впрочем, действительно не возникло.

– Ты ведь знаешь, что темным нужны эмоции. И юные девушки вроде тебя лучший источник для них.

Я похолодела, догадываясь, к чему она клонит.

– Раньше я поставляла ко двору его величества лучших девушек за щедрое вознаграждение и для себя, и для них. Милая сделка, в результате которой все были счастливы и довольны.

Я едва удержалась от возмущенного возгласа. Так вот в чьи руки я попала! Да уж, этой дамочке наверняка не впервой отваливать серебряные монеты за живой товар!

– Как ты думаешь, сколько девушек мне удалось пристроить ко двору за последние месяцы?

Я пожала плечами: почему мне знать, да и не волнует меня это ни капли.

– Ни одной, – вздохнула она. – Я привожу ему лучших своих красавиц, он их лениво осматривает и отправляет восвояси. Раз за разом. А в прошлый раз он сказал: пока не приводить никого. Сначала я подумала, что кто-то из конкуренток обошел меня на повороте и получил эксклюзивное право наполнять королевскую спальню, но потом я узнала, что это не так. Шпионы донесли, что и у других моих коллег дела обстоят не лучше.

Я слушала – и не понимала, почему она мне все это рассказывает. Но подозревала, что когда пойму – мне это не понравится.

– Нашему королю скучно, невероятно скучно. Этот юнец всю жизнь получал все, чего хотел, и в конце концов пресытился. Теперь любая девица, даже самая потрясающая красавица,

кажется ему пресной и безвкусной, уныло предсказуемой. Однообразие ему явно надоело, и ничто не волнует его воображение. Но... – Женщина довольно улыбнулась, и от этой улыбки меня бросило в холодный пот. – ... но той ночью, увидев тебя в трактире, непокорную, строптивую, отчаянно сопротивляющуюся тогда, когда любая другая давно бы сдалась и подчинилась, я вдруг поняла: вот оно! Такой экземпляр несомненно взбудоражит нашего правителя. Может, и ненадолго, но взбудоражит. Да само провидение послало меня туда! А уж когда ты сказала, что ты родственница его давнего врага.... О-о-о, это был настоящий подарок!

Она говорила так воодушевленно, будто это был подарок для меня тоже и мне следовало разделить ее радость.

– Сегодня утром я отправила ко двору посыльного с запиской и мгновенно получила ответ: его величество готов на тебя взглянуть. Так что извини, дорогая, у меня на тебя свои планы, и домой ты не вернешься.

8

– Вы не можете, вы не имеете права... – прошептала я. – Когда Лаорр узнает...

– Именно об этом я хотела с тобой поговорить, – кивнула женщина. – Ты же неглупая девочка и понимаешь, что если Лаорр узнает... – Она склонила голову набок и спросила, словно нянька у неразумного дитяти: – Кстати, что же сделает Лаорр, когда узнает?

Он будет в бешенстве. Он обожает мою сестру. Таких чувств я не видела никогда: ни у людей, ни у темных. Они в браке больше пяти лет, у них двое очаровательных малышей, а он смотрит на нее так, будто бы увидел вчера. А Мирая... А Мирая, когда он ее обнимает, просто светится от счастья.

Мирая, которая любит свою непутевую сестру, пусть та и не всегда заслуживает такого отношения. Если Лаорр узнает, что король силой держал меня в замке и причинил мне вред...

– Он сделает что-нибудь ужасное, – вслух сказала я.

Женщина одобрительно кивнула:

– А ты знаешь, что известно о врагах короля?

О врагах короля известно только то, что они мертвы.

Мое сердце сжалось от ужаса.

– Однажды Лаорр уже схлестнулся с королем. Тогда ему повезло, да и прямо скажем, терять было нечего, кроме того, что король и так пытался отобрать. А сейчас... подумай!

Я представила себе месть короля Лаорру, который, между нами говоря, при всех своих безусловных достоинствах весьма безрассуден. И похолодела, потому воображение тут же нарисовало картину: мертвые лица моей сестры и малышей, разоренный замок.

– Так что мы с тобой обе прекрасно понимаем, что твоя семья и без того от тебя натерпелась. Ты для них слишком беспокойна и безрассудна. Разве мало бед ты им принесла?

Я вздохнула. Женщина была права. Мои выходки часто огорчали сестру и ее мужа. А уж мой побег с Гильомом...

– Король согласился на тебя взглянуть, и для тебя это отличный шанс. Ты ведь знаешь, что с тобой там произойдет.

Я помотала головой. Нет, я, конечно, догадывалась, но точно не знала. И, по-моему, не очень-то хотела узнать...

– Он оставит тебя с собой, пока ты девственна. Так он сможет питаться твоими эмоциями без вреда для тебя. После того как он овладеет тобой – ты станешь уже не нужна, и он отпустит тебя восвояси. Это значит, что через какое-то время ты уедешь из дворца с порядочным вознаграждением, на которое вполне сможешь начать новую жизнь. Независимую, богатую жизнь.

– А ты не боишься, что я вернусь домой и все расскажу? – упрямо пробормотала я, хотя отчетливо понимала, что меня загнали в угол.

Хуже всего, что женщина тоже это понимала.

Она рассмеялась:

– Этого надо бояться тебе. Расскажешь – навлечешь на них беду.

Никогда я не вернусь в замок. Лаорр – темный, и ему не составит особого труда вытрясти из меня всю правду. А втравливать семью в бессмысленную войну с королем я не имела права.

– А если король меня не выберет, если он откажется? – с отчаянной надеждой спросила я.

Почему женщина не рассматривает этот вариант, совершенно простой и очевидный? Нет, я, конечно, хороша собой и все такое. Но явно король видел и красоток получше. И, если они все получили от ворот поворот, почему она так уверена во мне?

– Понимаешь ли, деточка, – сказала она с доброй улыбкой, – если врагом Лаорра станет король, тем хуже для Лаорра, но, если врагом Лаорра стану я, тем хуже для меня. Так что, если

король не вспыхнет к тебе симпатией или, не дай боги, решит проявить благородство к врагу, мне придется тебя убить...

9

«Придется убить» – она говорила об этом как о чем-то неважном. Неприятном, конечно, но вполне обыденном. И от этого небрежного тона было куда страшнее, чем если бы она прожигала меня взглядом или угрожала.

– Хорошо, я согласна, – подумав, ответила я. – И я постараюсь ему понравиться...

А что ещё оставалось делать? Сопротивляться? Кричать? Глупо. Особенно если учитывать, что дамочка эта непростая. Что мешает ей ещё раз сжать мои пальцы особенным древним образом и обеспечить моё долгое неподвижное молчание? В конце концов, какая разница королю – прибуду я к нему на своих ногах или она приволочет меня бесчувственной, выдавая за свою полную дочь.

Нет, в моих интересах выйти на улицу в полном сознании, а там уж я как-нибудь придумаю, что делать дальше. Что-то, а громко заорать: «Помогите!» – когда рядом будут проходить гвардейцы, я смогу.

Женщина посмотрела на меня подозрительно, словно отыскивая в моих словах подвох. И не зря – он там был. Но мне ее подозрения были совершенно ни к чему, так что я сказала то, что, наверное, должна была сказать:

– Смогу ли я взять во дворец вещи, которые были у меня с собой?

Она явно расслабилась. Правильно. Раз расспрашиваю о вещах и обдумываю детали своего переезда – значит, с главным уже согласна.

– Зачем? Если все будет хорошо, король осыплет тебя подарками. А если плохо – они тебе уже не пригодятся.

– Они мне дороги как память. Это все, что осталось от моей прошлой жизни... – грустно ответила я, а глаза защипало совсем по-настоящему.

– Я принесу их тебе хоть сейчас, – сказала она. – Служанка покормит тебя и поможет тебе собраться. Мы выдвигаемся к королю очень скоро.

Она уже направлялась к двери, когда я сказала:

– Я очень постараюсь, чтобы все прошло хорошо.

Она бросила на меня изучающий взгляд и снисходительно кивнула. Я, конечно, не стала уточнять, что это самое «хорошо» мы понимаем совсем по-разному.

Обед, который принесла служанка, был скуден и не слишком вкусен: пресная каша да немного тушеных овощей. Правильно, зачем переводить дорогие продукты на ту, которая всё равно вот-вот перейдет на довольствие в другое место. Или погибнет, но и в этом случае ее надо как-то особенно закармливать.

Девушка привела в порядок мои волосы, она не стала их высоко закалывать, лишь обвила тонкой золотистой лентой, чтобы не рассыпались, но позволив им свободно струиться.

Платье, которое она мне принесла, было изумрудным, с глубоким декольте.

Слишком глубоким. В нем я выглядела дерзко и развратно. Если бы я что-то подобное позволила себе в доме сестры, получила бы изрядный нагоняй. Мое сердце сжалось от грусти. Могла ли я подумать, что мне будет этого не хватать?

Девушка припудрила меня, скрыв залегшие под глазами тени, ярко подвела губы. Теперь я выглядела совсем вызывающе. Если королю нужна невинная дева – он от меня откажется.

Впрочем, в моих интересах, чтобы король меня даже не увидел.

Женщина появилась на пороге и окинула меня недовольным взглядом.

– Конечно, тебя бы поддержать тут несколько дней. Ну что поделывать, нескольких дней у нас нет. Если его величество передумает, будет хуже и для тебя, и для меня. Собирайся, идем.

10

Мы стали спускаться по лестнице. Женщина впереди почему-то со свечой, я следом за ней. Неосторожно... Сделав несколько шагов, я вдруг подумала: а ведь я могу напасть со спины, схватить завышенные рукава платья да садануть изо всех сил о каменную стену. Вряд ли я разможу ей голову, но вот вывести из строя на какое-то время наверняка смогу. А потом – бежать! Эта мысль была короткой, она промелькнула в одно мгновение, и тут же раздался строгий голос:

– Даже не думай!

Я вздрогнула.

– О чем?

– Сама знаешь.

Пожалуй, и вправду не стоит. Может, эта женщина тоже полукровка? Это бы все объясняло... Я вздохнула. Кажется, ничего и вправду не выйдет, и продолжила свой путь. Вот выйдем на улицу – тогда можно попытаться. Какой смысл убегать в доме, двери которого, возможно, заперты.

Больше всего меня смущала свеча. Я что-то пропустила и за окнами уже ночь? А еще мы слишком долго спускались. Лестница за лестницей, пролет за пролетом, и чем дальше мы шли, тем тяжелее и гуще становился воздух, пока не стал совсем сырым.

Страшная догадка заставила меня остановиться. Это не осталось незамеченным.

– Ты что же думала, – усмехнулась женщина, – что ты въедешь в королевский дворец на карете, а тебя будут встречать как почетного гостя? Нет, дорогуша, мы идем во дворец тайным ходом. Чем меньше народу будет знать о том, что ты там, тем лучше.

Я до боли прикусила губу. Ну вот и все, моему хитрому плану, увы, не судьба реализоваться. Никаких гвардейцев, никаких прохожих – никого, чье внимание можно было привлечь криком о помощи. С другой стороны, во дворец ведет подземный ход, а это значит, что, оказавшись там, я смогу сбежать.

Я вся превратилась в слух и зрение, запоминая повороты, выемки в стенах, редкие украшения, которые на мгновения выхватывал из тьмы тусклый свет свечи. Я не сдамся. Любая бы на моем месте сдалась, а я все равно не сдамся!

Через несколько поворотов, арок, тупиков мы оказались перед лестницей вверх. И началось восхождение по крутым ступеням. Пять довольно высоких пролетов. Это значит, что подземный ход не так уж и глубок.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась, и мы оказались снаружи.

Был, правда, поздний вечер, но солнце еще не село окончательно. Женщина задула свечу и громким шепотом спросила:

– Ну где ты там?

Откуда-то из-за угла появился мужчина. Это точно не был король. Пожилой, с изуродованным шрамами лицом. По его костюму трудно было догадаться, кто он. Точно не вельможа. Не из благородных. Но и не обычный слуга. Расшитая ливрея указывала скорее на какого-то близкого к королю служку. Впрочем, то, что он сейчас выполняет такое деликатное поручение, уже свидетельствовало о некотором доверии короля.

– Вы опоздали, – сказал он женщине строго.

Я ожидала, что она ответит своим обычным тоном, заставляющим наглецов прикусывать свои язычки. Но нет, она лишь сказала сварливо:

– Кое-кто слишком медленно ходит...

Кое-кто, между прочим, тащил не очень-то и легкий саквояж, тогда как сама дама передвигалась налегке.

– Известная особа готова вас принять, поторопитесь.

Надо же, какая секретность! Особа!

Мы поторопились. Уж не знаю, насколько его величество и правда был к чему готов, но мы прождали его не менее часа. Впрочем, ожидание было комфортным. Нас провели в комнату вроде приемной с диванами, картинами на стенах. Однако напитков не предложили. Да и вообще, от королевского дворца я ожидала большей роскоши.

Здесьнее убранство можно было назвать аскетичным. Впрочем, что это я, вряд ли стоит судить обо всем дворце по одной комнатушке, к тому же наверняка приспособленной для приема не слишком почетных гостей, к которым мы и относились.

Не то чтобы я жаждала увидеть короля. Хотя я знаю уйму человеческих девчонок, которые засыпают в обнимку с его портретами и мечтают взглянуть на самодержца хоть одним глазком. И все-таки, когда он наконец-то появился на пороге, любопытство оказалось сильнее неприязни. Я уставилась на него во все глаза.

Король Максимилиан Второй.

Он действительно молод, и тяжелое бремя власти словно бы не наложило на его лицо своего отпечатка. Нет, это не был тот мальчишка, который в свое время занял трон, поговаривают, оставив на своем пути к трону немало чужих смертей. Молодой мужчина, и он красив. Не так, как был красив Гильом, – иначе. От него веяло силой и опасностью. А ведь женщина была права: ему действительно скучно. Выражение пресыщенности на его лице говорило об этом очень явно.

Разглядывая короля, я не заметила, что моя тюремщица уже склонилась в глубоком реверансе, тогда как я стояла как истукан.

Наверное, мне тоже следовало поприветствовать венценосную особу как положено. Впрочем, моя роль здесь вряд ли предполагает строгое соблюдение этикета. Я осталась стоять, как стояла.

– Это она? – спросил он женщину, даже не поздоровавшись.

– Да, ваше величество. – Она склонилась еще ниже.

Трудно было ожидать от этой гордячки такого подобострастия.

– Неплохо, – сказал он, окинув взглядом мою фигуру и отдельно задержавшись на декольте.

Я почувствовала, как вспыхивают мои щеки.

– Возможно, она даже недурна собой, – теперь он вглядывался в лицо. – Но, чтобы это выяснить, ее следует хорошенько умыть.

Щеки заалели еще сильнее. Можно подумать, это я разрисовала себя так!

– Хорошо, – подытожил король. – Осталась одна небольшая формальность. – Он отвернулся от женщины и развернулся ко мне: – Пришла ли ты сюда по своей воле, хочешь ли остаться со мной?

Вот он, мой шанс!

– Нет! – я сказала это, глядя прямо ему в глаза, хоть выдержать этот взгляд было непросто. – Я хочу вернуться домой. И вы мне совершенно не нравитесь.

– Прекрасно! – Он впервые улыбнулся и повернулся к женщине. – Я беру ее. Ступайте. Казначей отсыплет вам серебра.

11

Женщина скользнула в развал портьер, дверь еле слышно стукнула, словно ставя точку, и мы с королем остались наедине. Вот и всё. Ловушка захлопнулась. Там, за дверью, осталась моя прежняя жизнь, простая и понятная. Замок, Лаорр и Мирая, уютные вечера у камина. Сандра, украдкой таскающая булочки, ее ворчливое: «Опять завтрак проспала, егоза. Не добудишься...» Возня с малышами, их смех и лепет: «Лиася...»

Все это осталось там, а здесь... Да откуда я знаю, что «здесь». Теперь я во власти незнакомца, от которого неизвестно, чего ждать, и нет никого, ни единого человека в этом королевстве, кто бы осмелился забрать меня у него или хотя бы вступиться.

Одна-единственная глупость, которая привела меня к такому печальному исходу.

Что я знаю о короле? Почти ничего. В нашем доме о нем не говорили. Совсем. Нет, потом, когда я подросла, Мирая приоткрыла передо мной завесу тайны, рассказала о стычке Лаорра с королем, хотя, думаю, далеко не все. Но тогда даже имени не произносили, словно все, что связано с королем, было под негласным запретом. Это невольно будоражило мое воображение, и я умирала от любопытства и ловила крупинцы информации, где могла. В пансионате девчонки мало что знали, а в городе... В городе ходило много разных слухов. Но можно ли им верить? Что могут знать о короле простые горожане? Юные дамочки ахали и твердили, что он безумно красив, просто душка. Мужчины – что он жесток и не прощает своих врагов. Впрочем, мне-то известно, что иногда он может смириться с их существованием, но лишь до тех пор, пока они не мозолят глаза.

Одна из сестер Лаорра как-то обмолвилась, что в постель король всегда берет нож. «Ты ведь понимаешь, для чего?» – шептала она, обмирая от сладкого ужаса. Я важно кивнула, хотя никак не могла сообразить, зачем этот нож нужен в кровати: во сне ведь можно случайно пораниться. Вторая шикнула на нас, сказав, что все это досужие сплетни, а мы – две сплетницы. Она как раз была из тех восторженных поклонниц, кто втайне хранит в своем столике его портрет, который романтично целует на ночь, закатывает глаза, с придыханием шепча его имя, а поэтому, разумеется, «знает про него больше всех». Тогда мы с сестрами Лаорра были, пожалуй, даже дружны. Но шло время – и становилось понятно, что этой дружбе скоро придет конец. Слишком уж разное будущее нас ожидало – темных и человечку. Может, поэтому я и поспешила покинуть замок, что уже давно чувствовала себя там лишней?

Сбежала, да... Какая же я дура. И что будет со мной теперь?

Я подавленно молчала, обхватив себя руками за плечи, словно если я буду занимать как можно меньше места, то на меня перестанут смотреть или вообще оставят в покое. Какая глупость! Кроме нас тут никого нет, и никуда я не спрячусь, а значит, в этом нет никакого смысла.

Я выпрямилась и с вызовом сказала:

– И что же вы намерены со мной делать?

Он усмехнулся и рванул платье с моих плеч. Оно легко соскользнуло, подставив груди холодному воздуху. Я ахнула и попыталась прикрыться руками, остро ощутив свою наготу и беззащитность. Подняла на него глаза, готовясь выдать гневную тираду, но наткнулась на равнодушно-насмешливый взгляд и осеклась.

– Вы ожидали чего-то подобного? Я должен был на вас наброситься как матрос, полгода не видевший женщины?

Он откровенно забавлялся. Я промолчала.

– Чтобы мне захотелось до вас дотронуться, вам сначала нужно снять эту провонявшую сыростью и клопами тряпку, а потом несколько часов провести в пенной ванне.

От стыда мои щеки вспыхнули огнем, глаза предательски защипали. Я бы, может, и сама не отказалась от ванны и от чистой, приличной одежды. Да кто бы мне дал!

– В таком случае я предпочитаю до конца жизни оставаться в этом платье! – Я упрямо вскинула подбородок и несколько раз моргнула, прогоняя непрошеные слезы. Ни за что не буду плакать. Ни за что не покажу ему свою слабость...

Он посмотрел на меня странным взглядом. Я бы даже не сказала, что понимаю, что значит этот взгляд. Король сердится? Недоволен? Или, напротив, заинтересован?

– Боюсь, я не могу вам этого позволить, – выдохнул он мне на ухо. А в следующее мгновение словно ветер, словно сквозняк скользнул вокруг тела. Одно быстрое, неуловимое движение – и вот уже платье изумрудными лоскутьями лежит на полу. Я стою перед королем обнаженная, а он прячет нож в ножны.

Значит, правда. Все правда. Я застыла, не в силах сказать ни слова.

12

Он резко развернулся и вышел из комнаты, а я так и осталась стоять, не зная, что мне делать и куда идти. Наклонилась, попыталась поднять лоскуты и собрать из них что-нибудь, чем можно хоть как-то прикрыться, но нет. Единственное, что из этого теперь можно было сделать, это стеганое одеяло из лоскутов.

Когда мы были маленькими, такие нам шила мама, и по кусочкам можно было узнавать: вот это старенькое платье, вот это вышитая салфетка, когда-то она была красивая, а потом я случайно махнула ею перед печью...

Еще одно болезненное воспоминание о прошлом, к которому теперь нет возврата.

Дверь мягко отворилась, и в комнату вошла девушка. Высокая, дородная, полная. Она едва ли была старше меня. Мое бедственное положение ее нимало не удивило, она деловито набросила мне на плечи накидку. Увидев, что я стою как истукан, со вздохом продела мои руки в рукава, подпоясала меня и ухватила за мой саквояж.

– Это, что ли, вещи ваши?

– Это, – едва выдавила из себя я.

Он с легкостью подняла его, словно «мои вещи» ничего не весили, и, сделав знак следовать за нею, скользнула за портьеру.

Меня привели в комнату. И снова она не отличалась излишней роскошью. Впрочем, все необходимое тут было, даже с избытком. Гардеробная, кровать под балдахином и дверь, ведущая в «интимную» комнату.

– Я уже наполнила ванну, – отпартовала девушка. – Можете нежиться сколько угодно, горячей воды всегда долью... А как надоест, кликните, помогу промыть волосы. Густые они у вас...

Отличный план. Но было кое-что еще – важное и невыясненное.

Я задала вопрос, на который она вряд ли знала ответ. Но вдруг и по этому поводу были какие-то распоряжения:

– А когда явится король?

Она удивленно вскинула брови:

– Куда явится?

– Ну... ко мне... Чтобы... – Нет, это невозможно было сказать вслух.

Она расхохоталась:

– Делать ему нечего. Являться! Будет надобность – скажет привести. Да его и нету во дворце уже, отъехали с помпой по важным государственным делам. Да вы не волнуйтесь, вы же только прибыли. Он, может, и неделю не появится. Занят очень, не до баловства...

Она бросила на меня такой понимающий взгляд, что мне сразу захотелось провалиться сквозь пол. А еще лучше – хорошенечко ее стукнуть. Но ничего из этого я делать не стала, лишь с облегчением выдохнула.

Если король и правда не появится здесь в ближайшее время, может, мне удастся сбежать еще до нашей встречи. Это было бы очень здорово.

– А что, можно ли будет мне прогуляться, подышать свежим воздухом? Не сейчас, конечно, позже, – попыталась я прощупать почву.

Выражение лица девушки стало озадаченным.

– Вообще-то, остальным, – она сделала упор на этом «остальным», – можно. Но про вас пока было особое распоряжение.

– Это какое же?

– Из комнаты никуда не выпускать. – Девушка опустила глаза, будто бы ограничение моей свободы – это ее вина.

А вот это уже хуже. Ну да ладно, пока нужно привести себя в порядок и выспаться, а там, может быть, придет какая-нибудь хорошая мысль в голову.

Девушка и правда помогла вымыть мне волосы и сделала это не удивление осторожно и не больно. Когда меня мыла Сандра, я пищала так, что было слышно на весь замок, да и было из-за чего – она моих кудрей не жалела. А тут словно по волшебству, мягко и осторожно. Я почти уснула, пока она возилась с моими волосами, и открыла глаза, лишь когда она сказала:

– Пойдемте, спать лучше в кровати.

И действительно, в этой кровати было куда лучше. Сорочку я надела свою – чистую и расшитую шелком, напоминание о доме. Белье мягкое и чистое, пахнет лавандой, подушки и одеяла словно пух, а главное – короля нет во дворце, и я действительно могу спокойно выспаться. По-моему, очень удачное стечение обстоятельств. Я уже мягко падала в сон, когда дверь открылась, а на пороге возник знакомый уже силуэт.

Его величество.

13

Я вздрогнула. Сон мгновенно слетел, в голове лихорадочно заметались мысли...

Он же уехал! Он же никогда не приходит сам, а при необходимости девушек доставляют ему прямо к месту утех! Что же тогда он делает здесь, у меня на пороге?

Он застыл в дверном проеме, вглядываясь в полумрак комнаты. Рассматривал. Или пытался рассмотреть?

Я сжалась и натянула одеяло повыше. Нет, я не готова и никогда не буду готова, но пусть он уйдет хотя бы сейчас... Хотя бы сейчас, когда в голове мутится от страха, а сердце колотится так, что в висках стучит. Потом я что-нибудь придумаю, обязательно придумаю, а пока... Нужно срочно взять себя в руки и как-то избавиться от его общества. Вроде король не любит, когда его задевают... Например, вот так:

– Ваше величество все-таки решили вести себя как матрос после полугодового плавания?

Насмешка достигла цели. Король на мгновение недобро сузил глаза, но тут же его губы растянулись в хищной улыбке.

– Мое величество, – сказал он мне в тон, – всего лишь хотел пожелать вам добрых снов и убедиться в том, что вы хорошо устроились. Но теперь мое величество передумал. Полагаю, вы заслуживаете урока.

В несколько шагов он оказался рядом, сорвал с меня мягкое одеяло, которое я тщетно пыталась прижать к груди. Я дернулась, но магические путы моментально захлестнули мои руки и ноги, распяв на постели. Всё, что могло помешать королю – одеяла, подушки, – слетело на пол, словно их снесло вихрем. Вспыхнули свечи, залив неровным сиянием темно-серые стены, потолок, постель и... меня. Мои разметавшиеся по постели пряди вспыхнули, будто огненной лавы плеснули на роскошное шелковое белье...

Магия... Удивительный дар, доступный только темным. Невероятная, непостижимая способность управлять стихиями этого мира – на что же ее еще тратить, как не на такого рода забавы?

Король точным движением ножа рассек рубашку, и она покорно разошлась, обнажая мое тело, нереально белое на темно-сером шелке простыни. А уже в следующее мгновение его пальцы беззастенчиво гуляли по моей груди.

Он исследовал мое тело, неотрывно глядя мне в глаза, словно считывая реакцию. Пусть я не могу пошевелиться, но хотя бы зажмуриться, чтобы не видеть его лица, я точно могу.

Его пальцы словно огнем обжигали кожу, ласкали и дразнили, рассылая по всему телу мгновенные вспышки удовольствия. Медленно скользили вниз, рисуя круги и спирали, подбираясь к раздвинутым бедрам. Останавливались, чуть нажав на низ живота, заставляя замирать от странного предвкушения, и вновь поднимались к груди, слегка задевая ставшие вдруг необыкновенно чувствительными соски. Я старалась оставаться равнодушной, но удушливая волна вожделения неизбежно накрывала меня. Грозя затопить окончательно, захлестнуть с головой.

Это было ужасно, отвратительно – лежать перед ним вот так, обездвиженной и униженной, принимая навязанные силой ласки.

Это было умопомрачительно приятно, сладко до одури, до томительных спазмов. Черт побери, слишком приятно!

Я бы предпочла испытывать к нему в эту минуту только ненависть, злость, презрение и снова ненависть. К тому, кто удерживает меня силой. К тому, кто касается меня без моего на то согласия.

Но тело предательски таяло... Таяло, словно кусочек воска в пламени.

Я не могла в это поверить, до этого момента всё было просто – я любила Гильома и обми-
рала в его руках, задыхаясь и желая большего. Грубые лапы разбойников в трактире вызвали
омерзение и тошноту – так и должно быть, либо одно, либо другое. Но то, что происходило
сейчас, было непостижимо.

Непостижимо бесстыдно

Непостижимо сладко...

Словно было две Риасы – одна ненавидела этого самоуверенного красавчика, а другая
млела от каждого прикосновения, молила в душе о новых бесстыдных ласках.

Мысли расплывались и таяли. Я плыла в каком-то жарком тумане, забыв себя, теряясь
в облаке восхитительных ощущений от мужских пальцев, гуляющих по телу, от умопомрачи-
тельно сладких умелых ласк. Горячая ладонь скользнула по нежной коже внутренней стороны
бедр, я охнула и распахнула глаза...

Он по-прежнему смотрел на меня внимательно, изучающе. Словно я – всего лишь
инструмент, а он музыкант, который его настраивает...

А я едва сдерживала стоны.

Ну конечно же, дело не во мне и не в том, что мне могут быть приятны его ласки, которые
он дарит вот так, с полуулыбкой на губах, ничуть не вовлекаясь в процесс, будто бы гладит
кошку. Дело в магии. Он заставляет меня чувствовать то, что я чувствую, – вот и все. Почему-
то от этой мысли мне сразу стало легче. Магическое воздействие темного – то, чему человек
противостоять не может. А раз так, то я ни в чем не виновата. Даже в том, что совсем не хочу,
чтобы он останавливался

Ладонь скользнула выше и... замерла, и я всхлипнула от странной смеси облегчения и
разочарования. Через секунду горячие пальцы коснулись промежности, меня словно пла-
менем опалило, из горла вырвался хриплый крик. Все мысли разом сгорели, осыпались пеп-
лом. Странная болезненная жажда чего-то большего смешалась с удовольствием, кипящей
лавой помчалась по венам. Перед глазами закружился огненный вихрь, вспыхивая миллио-
нами сладких искр под кожей, обжигая тело томящим предвкушением.

Я не сразу поняла, что все прекратилось, просто внезапно стало холодно и одиноко. Я
тяжело дышала и смотрела прямо в темные насмешливые глаза.

– Я мог бы продолжить, и вам бы это, безусловно, понравилось. Но вы не заслуживаете
сегодня подарка. Так что, пожалуй, я сделаю то, что собирался, – пожелаю вам спокойной ночи.

И король вышел из комнаты, оставив меня распластанную и растерянную.

Но как же!..

Я попробовала пошевелить рукой – и у меня получилось. Уже хорошо, что он не бросил
меня по рукам и ногам скованную магией. Так гораздо лучше.

Я поднялась с кровати, собрала подушки и одеяла. Сбросила на пол обрезки сорочки.
Вот уж точно я не пойду за новой!

Прежде чем уснуть, я долго ворочалась, ощущая жар, словно его руки все еще оставались
на моем теле.

14

Я проснулась оттого, что в глаза светило солнце. А может, оттого, что прекрасно выпалась. Я сладко потянулась, чувствуя, как в теле бурлит энергия... И тут-то вспомнила все, что произошло вчера, и съежилась, невольно закрыв лицо руками. Это было ужасно. Все было ужасно, от начала до конца. То, что он со мною вытворял, то, что я при этом испытывала, сама того не желая, и то, чем это закончилось. Если бы он еще немного потрогал меня там... Я бы сама на него набросилась. О боги, как же стыдно... Счастье, что пути меня обездвижили, не дав опозориться. Но самое ужасное то, что даже сейчас, обмирая от ужаса и стыда, злясь и ненавидя... Даже сейчас при одном только воспоминании о его горячих руках, гуляющих по телу, становится жарко, так жарко, будто огня из печи глотнула. Словно, уходя из этой комнаты, он не забрал с собой магию, а оставил ее здесь, чтобы продолжать меня терзать в свое отсутствие.

Нет, это никуда не годится! Сандра часто говорила: «Глупые мысли лезут в голову, когда руки пусты».

Я подскочила с кровати, яростно потрясла одеялом и обрушила его на кровать, с силой разгладив ненавистные складочки. Отыскала расшитое шелковое покрывало и кинула его сверху, распрямив до идеальной ровности, искусно разбросала по нему подушки. Так, неплохо, вроде бы порядок. Теперь – умыться. Дочиста, до скрипа. А еще можно протереть тут пыль, и вот этот комод я бы переставила... Вот здесь он будет смотреться куда лучше. Конечно, неплохо было бы выйти в сад, чтобы поиграть в мяч, побегать или, если тут есть пруд – а ведь он наверняка должен быть, – поплавать. Дома именно так я начинала каждое утро, и сейчас тело жаждало движения. Пожалуй, сегодня больше, чем обычно. Значительно больше! Но, увы, подергав дверь, я обнаружила, что она заперта, а значит, не то чтобы побегать или поплавать – даже прогуляться по коридорам у меня не получится.

Я стала нервно ходить из одного угла в другой, попробовала передвинуть комод, но он был слишком тяжел, не поддался. Я уперлась ногами в пол и навалилась на него спиной. Нет, бесполезно. За этим занятием меня и застала вчерашняя девушка.

Она посмотрела понимающе.

– Вы только не переживайте, поначалу все так не знают, куда себя деть, а потом привыкают.

– Все? И много здесь «всех»?

– Да уж хватает. Со всего королевства девиц свозят....

Что ж, зато в такой большой толпе легче затеряться – глядишь, и забудет обо мне, а там уж я как-нибудь извернусь и попытаюсь выбраться. Почему-то наряду с облегчением эта мысль принесла и какое-то другое чувство, болезненное и неприятное. Но останавливаться на нем и разбираться, что это такое, было некогда.

– ... иные месяцами тут живут, а его величество так и не видели... – вздохнула девушка.

Вот же. А ко мне сразу явился – не запылится.

– Так они ж у вас так и состарятся!

Девушка пожалала плечами.

– Глядишь, и о них вспомнит когда-нибудь.

Болтливая служанка – настоящая находка. Надо бы как-то ее получше расспросить, тем более что она из здешних порядков секрета не делает.

– А я-то думала, король каждую ночь с новой девицей постель делит да и отправляет восвояси.

Девушка расхохоталась.

– Если он с кем и делит постель, то только с темными, с благородными то есть.

– Это еще почему? – удивилась я. – И что, их это устраивает – ну, благородных-то? Между собой не дерутся? Ему в космы не вцепляются?

– Вцепишься ему, как же. Убрать соперниц, конечно, многие хотели бы. Да только никто не рискнет. Уж больно король о темной крови печется. А то, что в эту спальню все главные красотики королевства стремятся попасть, так оно и понятно: каждая хочет наследника зачать да стать королевой.

Да уж, похоже, личная жизнь короля весьма насыщена. Как ему еще при такой нагрузке на государственные дела времени хватает?! Я с яростью толкнула комод, и он поехал по полу, оставляя глубокие вмятины. Так-то лучше!

– Значит, я ему вроде как почти не нужна? А что же тогда мне делать?

Я имела в виду, чем заниматься целыми днями. Не сидеть же сиднем в этой комнатке. Но девушка истолковала мой вопрос неверно.

– Что делать? – Она задумчиво посмотрела на комод, потом на меня с какой-то особой серьезностью. – Вы, главное, не влюбляйтесь в него. Тем, которые влюбляются, хуже всех. Сохнут и тают на глазах – жалко смотреть.

– Да я не... – Я хотела объяснить ей, что совсем не то имела в виду и что даже представить себе не могу, как в этого самодовольного павлина можно влюбиться. Но договорить я не успела. Дверь в комнату тихо приотворилась, и на пороге появилась еще одна девушка, чем-то неуловимо похожая на эту. Только она смущалась, отводила глаза и краснела.

– Его величество велели новенькой леди собираться, наряжаться да прихорашиваться. И через два часа явиться в библиотеку. Сказали, желают испить кофий в ее компании.

«Моя» девушка всплеснула руками.

– Да что же это мы стоим! Времени-то всего ничего! Нужно наряжать барышню.

Я совсем не хотела видаться с королем. Одна мысль об этом заставляла мое сердце испуганно замирать. Ничего, кроме новых насмешек, я от него не ждала, и что-то мне подсказывало, что вряд ли он прямо сейчас, как выразилась та женщина, «овладеет мною». Будет играть, как кошка с мышкой, растягивая удовольствие от моих мучений.

Когда, наконец, приготовления были окончены, я посмотрела на себя в зеркало. Эти девушки уж точно знали свою работу. Они умудрились сделать с моим лицом что-то такое, что я смотрелась юной и свежей. Так, словно не было тяжелых событий последних дней. Так, словно моя жизнь не была скомкана в одночасье недоброй рукой.

Я слабо помню, как мы шли по коридорам, как подходили к тяжелой двери, как одна из девушек легонько подтолкнула меня в спину, чтобы я шагнула через порог... Я пришла в себя, лишь когда оказалась лицом к лицу с его величеством. Он смотрел на меня все так же, насмешливо и изучающе. И почему-то именно сейчас я почувствовала отчаяние. Какую бы игру он ни задумал, он в ней победит. У меня нет ни единого шанса.

15

Вот только сдаваться просто так я все равно не собиралась. Я высоко вздернула подбородок и неторопливо пошла через библиотеку, стараясь держать спину прямо. Ни за что не покажу свою слабость.

Я села на диван и сложила руки на коленях, нарушив все нормы этикета сразу. Сидеть в присутствии короля – непозволительная дерзость. Впрочем, думаю, я не первая неотесанная деревенщина, которую король удостоил своим вниманием.

Похоже, король не врал: он действительно хотел испить кофею. На маленьком столике стояли чашки, кофейник, вазочки со сладостями, словно бы он принимал дорогого гостя, но не хотел смущать его обильной трапезой.

Помня о вчерашней своей ошибке, я молча ждала, пока он обратится ко мне первым, тем временем независимо разглядывая библиотеку. Сотни книг теснились на полках шкафов, громоздились стопками на полу. Несколько толстенных фолиантов лежали на массивном столе, вплотную придвинутом к распахнутому окну. Ветер шелестел их страницами, колыхал легкие шторы. Пахло кофе, старой бумагой и пылью. И еще чем-то неуловимым, смутно знакомым, вкусным, как пахнет только в библиотеках. У нас в замке тоже... Нет, не сейчас. Я не буду думать об этом сейчас, иначе раскисну...

– Хорошо ли вам спалось? – как ни в чем не бывало заговорил король, словно этой ночью не произошло ничего особенного и я добровольно пришла сюда, чтобы выпить кофе и беседовать на светские темы.

Если позволю ему вести его игру, он обязательно выиграет. Поэтому притворяться, будто бы все в порядке, я не стану.

– Мне спалось отвратительно, я бы хотела вернуться домой. Пожалуйста, дайте мне такую возможность. Зачем я вам? У вас и так полон дворец девиц, и они счастливы быть здесь, а моя сестра... – мой голос дрогнул, – ... должно быть, сходит с ума.

– Сестра? – Король оживился и взял в руки чашку. – Мирая, помню-помню, горячая дамочка, в свое время она произвела на меня особое впечатление. Столько необузданной страсти...

При этих словах что-то мелькнуло в его глазах, и снова я не смогла распознать что: то ли восхищение, то ли злость, то ли то и другое вместе.

– Впрочем, с тех пор прошло уже много лет. Полагаю, она уже стара и не так привлекательна... Все время забываю, когда мы... хм... столкнулись, я был еще совсем юнцом.

Он сказал это так, что я вспыхнула от негодования: как он может намекать, что Мирая... Что моя сестра и он... Это невозможно! Он лжет!

И в том, что она «стара», он тоже ошибается. Напротив, именно сейчас она расцвела. После рождения малышей Мирая невероятно похорошела, словно их с Лаорром любовь подарила ей вечную молодость. Вот только расхваливать перед королем красоту сестры я точно не стану. Судя по всему, когда-то он и на нее претендовал. Увы, об этом мне Мирая как раз и не рассказывала. Так и знала, что она многого не договаривает, посвящая меня в ту мутную историю ссоры Лаорра с королем.

– Вернуться домой... – продолжал король, задумчиво водя пальцем по краю чашки. Я сглотнула и отвела глаза. От этого кружения почему-то мутилось в голове. – Для вашей семьи вы всего лишь ненужная обуза. Посудите сами, вы уже в том возрасте, когда пора выдавать вас замуж. Но найти вам в мужья человека своего круга они не могут. Такой брак убил бы вас. Все, что им остается, это породниться с каким-нибудь лавочником. Что тоже не сделает чести вашей семье. Безусловно, ваше бегство выглядит как безрассудство чистой воды, но какое-то разумное зерно в этом все-таки было...

Я не нашлась, что ответить, настолько его слова оказались созвучны тому, что я сама об этом думала.

Он глазами указал мне на чашку, что стояла передо мной:

– Пейте, этот напиток хорош горячим, и он невероятно бодрит.

– Даже не знаю, куда бы мне употребить эту бодрость, – огрызнулась я. – Человеку, который заперт в комнате, она ни к чему. Может быть, у вас есть что-нибудь иное, что позволит мне впасть в долгий сон до тех пор, пока вы не закончите начатое?

Он улыбнулся:

– Вы ошибаетесь, я еще ничего не начинал. И предпочитаю видеть вас в полном сознании. Мне некуда спешить, и я бы хотел узнать вас получше. Расскажите мне свою историю. Она любопытна. Итак, вы сбежали со своим кавалером... А он оказался негодяем.

Мои щеки вспыхнули, и от смущения я сделала глоток из чашки. Почему-то я и не подумала о том, что та женщина может рассказать королю о моем позоре. Мне казалось, что она, наоборот, попытается представить меня невинным созданием, не знавшим мужских рук.

– А потом в грязном трактире он проиграл вас разбойникам, – продолжал король, – и они чуть было не воспользовались своим выигрышем...

Ох... Все еще хуже.

Он говорил, не сводя с меня глаз, и впервые за все это время я увидела в его взгляде искренний интерес. Впрочем, нет, не впервые, что-то такое промелькнуло тогда, когда я сказала, что не желаю здесь оставаться. А еще тот же возбужденный блеск был в его глазах, когда он держал нож. Близко-близко возле кожи, но все же недостаточно близко, чтобы оцарапать.

Он ненормальный. Сумасшедший. Он опасен. Все рассказы о короле вдруг сложились в одну картину.

– Ну же, не молчите, я жду подробного рассказа.

Я снова сделала глоток, просто чтобы скрыть замешательство. И вдруг, словно со стороны, услышала свой голос:

– Гильом был очень красив, так красив, что на него больно смотреть.

Что это со мной? О боги, что я несу?! Но остановиться не получалось:

– А когда он меня касался, мое тело изнывало от томления...

Глаза короля странно блеснули, я вскрикнула и прикрыла рот ладошкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.